

РЯДОМ С РИХАРДОМ ЗОРГЕ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

ХОЦУКИ ОДЗАКИ

Одним из близких друзей и главных помощников главного советского разведчика Рихарда Зорге был видный японский журналист и публицист Ходзуми Одзаки.

Зорге писал о нем: «Он был моим ценнейшим помощником... Именно от него я получал наиболее ценную и достоверную информацию по Японии. Мы были не только товарищами по работе, но и близкими друзьями».

В 1963 году в Японии вышла книга под названием «Дело Зорге», написанная младшим братом Одаки. В то время, когда Рихард Зорге и Ходзуми Одаки были казнены (7 ноября 1944 года) в токийской тюрьме Сугамо, автор книги, Хоцуки Одаки, был еще школьником. Немало горьких дней выпало на долю юноши, брат которого был заклеен как шпион и изменник родины. Сразу же после войны Хоцуки Одаки начинает собирать и изучать материалы по делу покойного брата, на протяжении многих лет ведет неустанный борьбу за восстановление его чести. Этой цели посвящена и книга «Дело Зорге», рассказывающая историю жизни и подвига Зорге и Одаки. Привлекая обширный документальный материал, автор стремится воссоздать подлинный духовный и нравственный облик Ходзуми — человека благородных идеалов, непримиримого противника фашизма и милитаризма, борца за лучшее будущее японского народа.

Ходзуми Одаки родился 1 мая¹ 1901 года. Детские годы и раннюю юность он провел на Тайване, где отец его был редактором японской газеты «Тайвань ницц-ницц». Жизнь на захваченном японцами колониальном Тайване оставила глубокий след в душе чуткого юноши. Постепенно в душе его зреют семена протеста против всякого социального и национального гнета.

Окончив в 1922 году колледж, Одаки поступает на юридический факультет университета. Его внимание привлекает социология. Он знакомится с марксистской литературой и в 1924 году участвует в кружке по изучению исторического материализма. По словам самого Ходзуми Одаки, взгляды его в это время «эволюционировали от либерального гуманизма к коммунизму».

Одаки не был членом коммунистической партии и не стал последовательным марксистом-революционером. Однако идеи научного коммунизма оказали

большое влияние на формирование его общественно-политических взглядов. Хотя Одаки не сумел полностью избавиться от некоторых ошибочных представлений и иллюзий, характерных для мелкобуржуазного революционера, он стал убежденным противником империализма, горячим сторонником китайской революции, интернационалистом и другом СССР.

С 1926 года Одаки работает в социальном отделе токийской газеты «Асахи», затем в китайском отделе газеты «Осака асахи». В конце ноября 1928 года его посылают специальным корреспондентом газеты «Асахи» в Шанхай. Здесь он пробыл до 1932 года.

В Шанхае Одаки знакомится с Рихардом Зорге, и между ними завязывается крепкая дружба. Узнав в Рихарде Зорге человека, борющегося за близкие ему идеалы, Ходзуми Одаки делается его активным помощником. Зорге потом говорил, что отъезд Одаки в 1932 году из Шанхая явился крупной потерей для него и для его дела.

В 1934 году Зорге приезжает в Токио и восстанавливает связь с Одаки. С этого времени начинается их совместная самоотверженная работа в Японии.

Движимый желанием предотвратить войну Японии против Советского Союза и помочь первому в мире социалистическому государству в его борьбе против империалистических агрессоров, Одаки становится участником разведывательной группы Зорге в Японии.

Одаки не только страстно желал, но и твердо верил в победу Советского Союза над гитлеровской Германией. Находясь в тюрьме, он в марте 1942 года заявил о своей уверенности в конечной победе Советского Союза и китайской революции: «Вторая мировая война приведет не к переделу мира, а к победе революции во многих странах».

Среди друзей Ходзуми Одаки было немало людей, далеких от коммунизма и симпатий к Советскому Союзу (таких, например, как принц Кинкадзу Сайондзи). Но, по свидетельству автора книги, почти никто из них после ареста Ходзуми не отвернулся от его семьи и не поверил в его клеймо шпиона. Зная хорошо Одаки, они понимали, что какой бы деятельностью он ни занимался, он мог руководствоваться только самыми высокими и чистыми побуждениями.

Хоцуки Одаки пишет о своем брате: «Он родился 1 мая и умер 7 ноября. Эти две даты как бы символизируют весь смысл его жизни и пройденный им жизненный путь».

¹ Фактически 29 апреля, но зарегистрирован как родившийся 1 мая.

АРЕНА ДЕЙСТВИЙ ПЕРЕНОСИТСЯ В ТОКИО

БЫЛО ЭТО 4 или 5 апреля 1934 года. К Ходзуми Одзаки в редакцию «Осака асахи» явился какой-то молодой человек. Густые длинные волосы, скулы, крепкий подбородок и острый взгляд из-под широких бровей придавали ему внушительный вид. На его визитной карточке стояло: «Художник Рюичи Минами». Он сказал Одзаки, что его хочет видеть один иностранец, знакомый по Шанхаю. В тот же день вечером Одзаки снова встретился с Минами в китайском ресторанчике «Бай лань» («Белая орхидея») на Тосабори. Минами сказал, что встречи с ним ищет Джонсон (Зорге).

Если Зорге приехал в Японию, Одзаки незачем было расспрашивать, для чего он ему нужен. Одзаки пригласил художника к себе домой в Инано и здесь постарался «прощупать» его более основательно.

Первое свидание Одзаки с Зорге состоялось в следующее воскресенье. Встретились они у пруда Сарусавансикэ в городском парке «Пара».

Одзаки уехал из Шанхая в 1932 году. В январе 1933 года уехал оттуда и Зорге. Шанхайская командировка Зорге затянулась против намеченного срока на год в связи с маньчжурскими событиями. В январе 1933 года Зорге передал дела своему приемнику Паулю и вернулся в Москву. Здесь он намерен был посвятить себя на какое-то время литературной работе, собиравшись написать книгу. В этой книге он хотел попытаться связать в один узел основные социальные проблемы тогдашнего Китая, обобщив богатый личный опыт, приобретенный им за годы пребывания в этой стране. Все, что выходило из-под пера Зорге, отличалось достоверностью фактов, живостью наблюдений, глубиной и остротой анализа. Но его книга «Аграрный вопрос в Китае» так и осталась ненаписанной.

В апреле 1933 года было решено снова направить его в заграничную командировку. Когда его спросили, какой район действий он предпочитает, Зорге, не колеблясь, назвал Маньчжурию, Северный Китай и Японию. Но вопрос о том, где будет находиться главный опорный пункт разведывательной деятельности, окончательно еще не был решен. Наиболее заманчивым местом, естественно, было Токио. Однако возможности радио и других способов нелегальной связи с Москвой и условия сбора разведывательной информации в Японии предстояло еще изучить. Не было у Зорге и твердой уверенности в том, что он сумеет привлечь здесь к сотрудничеству нужных людей. В отличие от полуколонизаторского Китая Япония была военно-полицейским государством с драконовскими законами и мощной контрразведкой. Легализоваться здесь было невероятно трудно. Ум, смелость и находчивость помогли Рихарду Зорге преодолеть все препятствия. В Берлине он вступает в нацистскую партию, получает членский билет. На руках у него солидный загранпаспорт. Словом, документы, с которыми Зорге прибыл в Японию, были в идеальном порядке.

В это время в Японии уже находился (с 11 февраля 1933 года) хорват Вукелич, ставший потом одним из самых деятельных участников группы Зорге.

Увидев еще издали заметную фигуру Зорге в парке «Парз», Одзаки, должно быть, вместе с радостью испытал и чувство известной тревоги. Зорге сказал, что он начинает работать в Японии, и просил Одзаки помочь ему. Одзаки дал согласие. О содержании работы они не говорили. Ни слова Зорге:

«начинаю работать в Японии», ни его просьба о помощи не нуждались в пояснении. Одзаки сразу понял, о чем идет речь, на основании своего шанхайского опыта. В протоколе допроса Одзаки записано, что он «с радостью согласился» помогать Зорге. Но можно не сомневаться, что душевное состояние Одзаки в тот момент было не таким уж безоблачным. Одно дело — его сотрудничество с Зорге в Шанхае, другое дело — в Японии. Дать свое согласие на это японцу было не так просто. Нужна была большая решимость. Было бы неверно утверждать, что Одзаки пошел на это без всякого колебания. Но преданность идее, служению которой он себя посвятил, и чувство товарищеской привязанности к Зорге, по-видимому, взяли верх.

Зорге удостоверился в возможности ведения разведывательной работы в Японии, приобрел сотрудников и, уладив все, летом 1935 года уехал в Москву. Целью поездки было доложить о том, что вся подготовительная работа завершена.

Советский Союз не мог не питать подозрения, что фашистская Германия и милитаристская Япония могут объединиться и попытаться взять СССР в клещи с запада и востока. Зорге не только с исключительной преданностью выполнял порученное задание, но удивительно умело и тонко исследовал проблему, ставя и решая по-своему конкретные задачи, применительно к обстановке в Японии, которая непрерывно менялась.

Чтобы обеспечить технически надежную связь с центром, нужен был способный и опытный радиотехник. Выбор Зорге пал на Макса Клаузена, который в это время вернулся из Шанхая и совершенствовал свои знания в высшей радиотехнической школе где-то на Волге, и он добился от руководства посылки Клаузена в Японию.

Разведывательная деятельность Зорге в Японии по-настоящему развернулась после военно-фашистского путча 26 февраля 1936 года.

ТАЛАНТЛИВЫЙ СОВЕТНИК КАБИНЕТА КОНОЭ

Зорге wszel в доверие к германскому послу и стал всем человеком в немецком посольстве. В известной мере он занял там особое положение как доверенное лицо посла. Тем временем Одзаки начал приобретать все больший вес как журналист и публицист. Он стал сближаться с видными представителями политических кругов. Начало этому положили сианьские события в конце 1936 года.

Чан Кай-ши прилетел на самолете в Сиань с целью создания здесь заградительных отрядов против дезертиров и усиления борьбы с китайскими коммунистическими войсками. Но неожиданно он сам был арестован Северо-Восточной армией, которой командовал Чжан Сюэ-лян. Солдаты этой армии, происходившие почти сплошь из северо-восточных провинций, требовали прекращения гражданской войны и организации сопротивления японцам, топтавшим землю их дедов и отцов. Это требование отвечало их кровным интересам. Чан Кай-ши вынужден был пообещать поднять знамя священной войны против японских захватчиков. Об этом событии, вспыхнувшем 12 декабря, на следующий же день, то есть 13 декабря, были получены телеграммы всеми японскими газетами. Версии были разными. Одни утверждали, что Чан Кай-ши убит, другие — что он жив. Правда перемешивалась с ложью, истинное положение вещей не было извест-

**СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ**

но. Но Одзакэ уже 13 декабря уверенно заявил, что Чан Кай-ши жив.

В новогоднем номере журнала «Тюокорон» появилась срочно подготовленная серия статей под общей шапкой «Военный мятеж Чжан Сюэ-ляна». Статьи эти были написаны по заказу журнала специалистами по китайскому вопросу Уносукэ Ота, Кэнъичи Хадано и Ходзуми Одзакэ. Одзакэ рассматривал сианьские события как непосредственное выражение коренных противоречий современной китайской действительности. Он указывал, что сианьский мятеж, пожалуй, нельзя рассматривать как прямую попытку свержения нанкинского режима. Это задача трудно осуществимая. Вместе с тем сианьское выступление, несомненно, свидетельствовало об усилении влияния коммунистических сил и могло рассматриваться как их большой успех.

«Каковы бы ни были планы и намерения самого генерала Чжан Сюэ-ляна, существо дела, по-видимому, заключается в том, что призывы коммунистической партии к антияпонскому сопротивлению и спасению родины вызвали сочувственный отклик в его войсках и это породило мятеж».

Так писал Одзакэ, вскрывая сущность сианьского выступления и намеками наводя читателя на мысль о той главной тенденции, которая все больше будет овладевать умами китайцев. Положить конец братоубийственной гражданской войне перед лицом японской агрессии и объединенными силами выступить против захватчиков — таково было веление исторического момента.

13 же декабря статью о сианьском инциденте и мятеже Чжан Сюэ-ляна заказал Одзакэ и издатель двухнедельного иллюстрированного журнала «Графика» Кинкадзу Сайондзи (внук генро¹ принца Каммочи Сайондзи). Этот журнал со статьей Одзакэ поступил в продажу, кажется, на несколько дней раньше, чем «Тюокорон». Но так или иначе, предположение Одзакэ, что Чан Кай-ши уцелел, и его прогноз дальнейшего хода событий почти полностью оправдались.

Впоследствии в своей книге «Аристократия уходит со сцены» Кинкадзу Сайондзи писал об Одзакэ: «Его интерпретация сианьских событий и мысль, что они, по-видимому, окажут серьезное влияние на позицию гоминьдановского правительства, оказались пророческими. Они сразу произвели на всех большое впечатление. Доводы его были исключительно точными и убедительными. Среди специалистов Одзакэ был известен как большой знаток Китая из молодых. Но это отнюдь не значит, что он пользовался популярностью и как блестящий журналист. В этом смысле его статья в журнале «Графика» была своего рода дебютом».

В примечаниях к сборнику своих статей Одзакэ тоже указывает, что его прогноз относительно последствий сианьского инцидента оказался верным. В этом утверждении нет и тени хвастовства. Ходзуми Одзакэ хотел лишь подчеркнуть, что только анализ коренных социальных проблем может служить основанием для правильных политических выводов. Исследование китайского вопроса, которым Одзакэ занимался на протяжении многих лет, у него неизменно базировалось именно на этом принципе. Именно в этом была его сила.

С конца 1935 и до начала 1936 года Одзакэ находился в Северном Китае, куда он был командирован Комиссией по изучению проблем Восточной Азии газеты «Асахи». Там он воочию убедился в

бурном росте антияпонских настроений и решимости китайцев к антияпонскому сопротивлению. Он уже тогда проникся убеждением, что дальнейшее продвижение захватчиков повлечет за собой консолидацию всех истинных антияпонских сил и организацию всестороннего национального отпора захватчику.

Позднее, летом 1936 года, он присутствовал на VI конгрессе Ассоциации исследования тихоокеанской проблемы в Калифорнии. Здесь он лишний раз убедился в том, что в Китае существует реальная почва для совместных действий гоминьдановцев и коммунистов. Он пришел также к выводу, что в случае японо-китайской войны Англия и Америка целиком станут на сторону Китая. Таким образом, острота японо-китайских отношений и их последствий после сианьских событий в известном смысле еще отчетливее предстала перед Одзакэ. «Для меня это было не отвлеченным рассуждением, а ощущалось как живая реальность, что было чрезвычайно полезно для понимания дальнейшего хода исторических событий в Восточной Азии». Так говорил он впоследствии на допросе у прокурора Токийского окружного суда Мицусабуро Тамасава.

Присутствие на Калифорнийском конгрессе по тихоокеанской проблеме оказалось полезным для Одзакэ еще в одном отношении. У него завязались приятельские отношения с Кинкадзу Сайондзи — внуком генро.

Генеральный секретарь японского комитета Ассоциации исследования тихоокеанской проблемы Томикико Усиба был однокашником Одзакэ по Первому токийскому колледжу. Когда было решено центральным вопросом повестки дня Калифорнийского конгресса сделать китайский вопрос, Усиба порекомендовал включить в состав делегации подающего надежды исследователя китайской проблемы Ходзуми Одзакэ. Кинкадзу Сайондзи, который в свое время учился на курсе младше Усиба в Оксфорде, тоже был назначен одним из делегатов. За день до отъезда на конгресс Усиба в кафе «Мабл» («Мраморное кафе»), помещавшемся в подвальном этаже здания Марубиру, познакомил Одзакэ с Сайондзи. На пароходе «Тайёмару», направлявшемся в Америку, Одзакэ и Сайондзи оказались соседями по каюте. Впоследствии Кинкадзу Сайондзи вспоминал: «Когда я впервые увидел этого пухлого, узкоглазого, с редкими бровями и немного комической фигурой человека, небрежно одетого в летнее кимоно, я был несколько удивлен: неужели это и есть тот молодой, подающий надежды знаток Китая, о котором мне говорили?» За время долгого путешествия в одной каюте на пароходе «Тайёмару» они стали друзьями.

С апреля 1937 года Одзакэ становится членом исследовательского общества «Сёва кэнкю кай»², руководимого Рикуносукэ Гото.

Возглавлял сектор по изучению китайской проблемы, в котором сотрудничал Одзакэ, Акира Кадзэми. В июне 1937 года Кадзэми был назначен правительственным секретарем вновь сформированного кабинета Коноэ. Преемником Кадзэми в «Сёва кэнкю кай» стал Одзакэ.

Зорге, по-видимому, трудно было понять, каким образом в роли премьера очутился принц Коноэ. Одзакэ же рассматривал появление на политической авансцене Коноэ как последний козырь, с помощью которого умеренные руководящие круги пытались

¹ Генро — пожизненные советники императора, назначенные в 1876 году.

² «Сёва кэнкю кай» — исследовательское общество, организованное принцем Коноэ.

противостоять усилившемуся политическому давлению военных. Он разъяснял Зорге, какие надежды связывают с образованием кабинета Коноэ различные слои японского общества. Возможно, сам Одзаки тайне мечтал, что Коноэ сыграет своего рода роль Керенского. Однако кабинет Коноэ обманул все надежды нации.

7 июля 1937 года возник знаменитый инцидент в Лю Коу-цзяо. Одзаки сразу понял, что это событие чревато угрозой международного потрясения. Когда он узнал, что 11 июля созывается важное заседание кабинета, он тут же попросил правительственного секретаря кабинета Кадзэми принять его и предупредить о серьезности полсжения. Однако Кадзэми ответил: «Мы готовы на все, нет оснований для беспокойства». Кадзэми в это время осаждала целая толпа взволнованных и спешащих посетителей, и он сумел урвать всего несколько минут для разговора с Одзаки. Возможно, поэтому он и не смог достаточно глубоко вникнуть в смысл предостережения Одзаки. Своим ответом Кадзэми, вероятно, хотел сказать, что в случае осложнения правительством готово принять ответственность на себя.

Случай этот полсжил начало известному сближению Кадзэми с Одзаки. Как преодолеть кризис, угрожавший японской нации? Этот вопрос был делом всей жизни Одзаки. Известие о начале японо-китайской войны 27 июля, хотя он ее и предвидел, потрясло Одзаки. В августе военный пожар распространился на Шанхай.

Садаёси Каваи (сотрудник Одзаки по работе в Шанхае, всшедший затем в группу Зорге) в этот момент приехал для связи в Японию. Он посетил Одзаки в редакции «Асахи», и они говорили о том, что война вступает в фазу быстрых перемен. Одзаки до прихода Каваи побывал как раз у Кадзэми и подробно изложил тому свой взгляд на положение вещей. По свидетельству Каваи он выглядел чрезвычайно взволнованным. В своих «Воспоминаниях революционера» Каваи приводит следующие слова Одзаки: «Сегодня я виделся с Кадзэми. Он сказал, что в Шанхай будет отправлено пять дивизий. Но если огонь войны распространится и дальше, опасность второй мировой войны станет почти неизбежной. В результате Япония увязнет в трясине длительной войны, и дальнейшую посылку войск придется прекратить. Однако Кадзэми ответил, что теперь уже ничего не поделаешь». И затем Одзаки продолжал: «Знаешь, на Западе есть такой любопытный рассказ для юношества. Корабль шел через Северный Ледовитый океан и попал в поле притяжения какого-то магнитного острова. Как он ни старался уклониться от него, все было тщетно. Неодолимая сила стремительно влекла корабль к острову. Со страшной силой корабль ударился о берег и разбился в щепки. Тебе не кажется, что Япония сейчас похожа на этот корабль?..»

И Одзаки, как одному из японцев, предстояло разделить печальный удел экипажа этого корабля. Говоря с Каваи, Одзаки остро чувствовал надвигающуюся трагедию Японии, и этот роковой час словно был выжжен в его сердце.

В июне 1938 года кто-то порекомендовал Одзаки поехать в Пекин в качестве сотрудника экономического исследовательского органа министерства иностранных дел. Он рассказал об этом Додзо Киси и Томохико Усиба, которые были его однокашниками по Первому токийскому колледжу, а сейчас занимали посты личных секретарей в кабинете министров. Это стало известно правительственному секретарю кабинета Кадзэми. Заботившийся о подборе способных сотрудников, Кадзэми решил пригласить

Одзаки на должность внештатного советника кабинета министров. Иными словами, Одзаки должен был стать консультантом кабинета по вопросам японо-китайских отношений. Посоветовавшись с Киси и Усиба, Одзаки принял предложение. Ему поставили письменный стол в одной из комнат на первом этаже официальной резиденции премьера, и он получил возможность свободно заходить в кабинеты личных секретарей премьера и правительственного секретаря.

ГЕРМАНИЯ НАПАДАЕТ НА СССР

13 мая 1938 года, возвращаясь на мотоцикле домой из немецкого посольства, Зорге случайно потерял управление, врезался в каменный забор и получил серьезные травмы. Его забрали в больницу «Сэйрока» и хотели тут же оперировать, но он решительно отказался лечь на операционный стол до встречи со своим другом Клаузенем. По-видимому, он хотел на всякий случай сделать соответствующие распоряжения. Во время этой катастрофы Зорге лишился зубов, и ему пришлось сделать вставные челюсти. После этого происшествия он перестал ездить на мотоцикле и начал пользоваться «датсаном»³. Авария, которую потерпел тогда Зорге, — один из эпизодов, когда он показал, насколько сильно у него развито чувство долга. В то же время Зорге был чрезвычайно общительным, жизнерадостным человеком, любившим веселье и шутку. Но подруга Зорге Ханакэ Исии в своих воспоминаниях рассказывает и о «другом Зорге». О том, как часто он чувствовал себя одиноким; каким печальным становилось его лицо, когда она говорила ему о своем желании иметь ребенка; какой смущенный вид был у него, когда однажды она застала его рассматривающим фотографию другой женщины; о том, как истинно по-детски он радовался, посылая поздравительную телеграмму в день рождения матери, жившей в Берлине, и о том, как иногда посреди горячих и нежных ласк он вдруг потуплялся и говорил: «Хочу иметь настоящего друга. Настоящего друга...» Сопоставляя и связывая все эти штрихи, мы получаем образ человека, который, живя «двойной жизнью», остается одиноким и жаждет простого человеческого счастья. Но, возможно, лишь перед одной Ханакэ Исии он открывал это свое «второе лицо».

С сентября 1939 года, после того как Германия вторглась в Польшу и была сорвана завеса со второй мировой войны, Зорге стал работать в отделе информации и пропаганды германского посольства в Токио. Он стал личным референтом немецкого посла. Теперь ему приходилось ежедневно почти все время с 6 до 10 часов утра уделять этой работе. Сидя в отдельном кабинете в посольстве, он просматривал секретные сообщения, поступающие в адрес посольства. Он снимал с них копии и передавал Клаузену. Японская позиция в отношении второй мировой войны, заключение японо-германо-итальянского тройственного пакта, секретный приказ о нападении Германии на Советский Союз — вся эта информация не могла миновать рук Зорге.

Перевел с японского
С. ГУТЕРМАН

(Продолжение следует)

³ «Датсан» — японский малолитражный автомобиль.